

Михаил Беркович

БОЛЬШОЙ КАНЫМ И ВЛАДИМИР ВЛАСОВ

Рассказ

В самом центре Кузнецкого Алатау сразу же после Отечественной войны съемщики подсекли, выражаясь их языком, перспективное железорудное месторождение. В то время даже на поисковую разведку не находилось ни сил, ни средств. И осталась территория дожидаться своей очереди.

Среди тех, кто записывал в геологические документы первые данные о месторождении, топтал древние сибирские горы и двадцатичетырехлетний студент геологоразведочного техникума Владимир Власов. Он припозднился с учебой из-за войны, изломавшей, перекорезившей ему всю жизнь. Человек он был законопослушный, тихий, неагрессивный, тем не менее, судьба его карала так жестоко, словно самого что ни на есть закоренелого рецидивиста. До сих пор удивляюсь, где он взял силы, чтобы все это вынести? Да и вынес ли? Кто знает, сколько бы он прожил, не попади под эти жернова?

Только исполнилось восемнадцать, когда призвали в армию и послали на фронт. Необстрелянные еще юнцы должны были пополнить какую-то войсковую часть, изрядно потрепанную в оборонительных боях. Расквартировали в большом украинском селе, чтобы утром выдать оружие и - на передовую шагом арш! В результате неожиданной ночной атаки село попало в руки врага. Мальчишек взяли сонными. Так Володя Власов попал в плен. Два года провел в Заксенхаузене. Не стану здесь описывать, через какие муки ада ему пришлось пройти. Тем более что сам он все описал в первой своей книге «Завтра связи не будет». Освободили в сорок четвертом. И с того момента начались настоящие хождения по мукам. Он оказался виновным в том, что попал в плен. И потому отвечал за это свое преступление едва ли не всю оставшуюся жизнь. В институт не приняли: был в плену. Как

сказал великий Сталин: «У нас нет пленных, у нас есть предатели».

Володя поступил в техникум. На преддипломную практику послали в Западносибирское геологоразведочное управление, где он осел до выхода на пенсию. Мы никогда не должны были встретиться. Пути наши никак не пересекались. Но случилось так, что во второй половине 1966 года я стал редактором многотиражной газеты этого управления. Взявший надо мной шефство темпераментный начальник управления Георгий Александрович Селятицкий, как-то сказал:

- Обязательно слетай на Большой Каным - не пожалеешь.

Не получалось по разным причинам. Селятицкий же время от времени напоминал: «Когда на Каным?»

Лечу на «МИ-8». Летчики из тех, что постоянно обслуживают геологов. На всю небесную дорогу отпущено минут сорок. Прильнул к иллюминатору, гляжу вниз. А там – волшебство. Залесенные горы. Иные с гольцами на вершинах. И такое впечатление, будто под вертолетом стихия древнейшего моря. Но какой-то волшебник прикоснулся к нему своей палочкой, и - гигантские волны замерли на века.

Середина апреля, еще не все реки сорвали ледяной покров, еще в горах лежали снега, но уже вышли из берлог изголодавшиеся за зиму медведи, уже частично обернулись ручьями сугробы. Но это в низинах, а в горах все еще - белым-бело. Летчики объясняют: «Вон Два Брата, а это - Черный Ворон (так называются местные большие горы), через пару минут появится и Каным.

- Прилетели!

- Где же поселок?

- Не видишь дымы из снега?

И тут я их увидел. Как столбы стоят над проплешиной горы. Много - больше сотни таких столбов. Дымы светлые, потому что геологи отапливали свое жилье не углем, а дровами. Тут же взлетно-посадочная площадка, с красными флажками по углам. И как только вертолет приблизился к ней, поднялись в небо вихри снежные, обрывки бумаги и толи, другой мусор. Второй пилот встал у дверцы: «Не выходи, пока не останутся винты».

К вертолету подошел мужчина вышесреднего роста, в альпоговке, в собачьих унтах и в шапке ушанке из меха нерпы. «Власов», - сказал

вертолетчик. Я спрыгнул с подножки, подошел к нему, назвался.

- Знаю, - сказал он.

- Откуда?

- Селятицкий всю рацию разбил: не обижайте моего редактора. Так что пошли. Жить будешь у меня. Обижать не стану.

Мы постояли еще немного у винтокрылой машины. Пока рабочие сбрасывали груз, укладывали новый. Не знаю, почему и как такое получается, но едва ли не через пятнадцать минут я забыл, что мы с Власовым совершенно не знакомы. Мы не пили с ним на брудершафт, но с первых минут перешли на ты. В те короткие минуты не мог я понять, что встретил здесь, у подножья горы Большой Каным, лучшего друга.

А пока он шагает впереди, я - за ним. По узкой тропе рядом не ходят. Отойдешь чуть в сторону - придется тебя добывать из двенадцатиметрового сугроба. И вот мы подошли к его «столбу». У входя в избу - колодец, у каждого окна - колодец. Чтобы был доступ дневного света к жилью. Спускаемся по снежным ступенькам к входной двери. Ни замка, ни щеколды, как при коммунизме.

- Хозяйки у меня нет, придется потерпеть, пока сварганю, что ни будь на зуб.

И он принялся готовить нечто среднее, между обедом и ужином. На столе лежал кусок размороженного мяса, достал картошки и сказал:

- Бери нож, чисть, нарежу сам.

Раскаленная плита была готова к его священнодействию. В избе жарко. В углу копошилась кошка с тремя котятками - все тигрового окраса. Там была дырка в подполье. Рядом с нею лежал обезглавленный хомячок. Заметив мой взгляд на это семейство, сказал:

- Охотница. Каждый день по хомячку из тайги приносит. Обдирай и сдавай шкурки, но я этим не занимаюсь.

Тем временем на столе появилась черная сковорода с жареным мясом и картошкой. Откуда ни возьмись, вынырнула бутылка «Московской», Володя пил только водку и коньяк, но водку любил больше. Выпили. Никаких тостов, просто чарка к обеду.

- Завтра на охоту пойдём.

- Ружья же у меня нет.

- Не твоя забота. Лыж у тебя тоже нет. Камузных.

Мы сидели за столом и вели неспешную беседу об этом крае, о месторождении и его перспективах.

* * *

Стационарная разведочная партия существует здесь недавно. Нужда в железных рудах велика, все-таки два металлургических гиганта работают в Новокузнецке, дают десять процентов общесоюзного производства стали. Им нужно море руды. Пока значительную часть ее приходится возить за две тысячи километров. Чугун золотым становится. А тут, в восьмидесяти километрах, если брать по прямой, на небольшой глубине - залежь хоть и не очень богатой, но вполне пригодной руды.

Именно Власов привел сюда сто двадцать человек, чтобы организовать на пустом месте геологоразведочную партию. Перед высадкой столь мощного десанта, состоялся рекогносцировочный вылет на местность. Вся верховная власть прилетела сюда и сам Селятицкий, и главный инженер, и главный геолог управления, и начальник производственного отдела, и начальник экспедиции, в которую входила новая партия. Все они понимали, в какой ад суют Власова. Да он и сам это знал. Ни дорог, ни тропинок, вокруг на полсотни верст - ни единой души. С ним прилетят сюда отборные кадры (кроме геологов) - сплошь бомжи. Зато зверья вокруг! На одном километре пути Власов насчитал восемь медвежьих берлог! Все снабжение - только по воздуху. И это притом, что место голое, как лысина древнего старца - ни избушки, ни сторожки... Подошел Селятицкий, взял за локоть: «Держись, Володя! А если помощь нужна - радируй».

Они прилетели сюда, если память не изменяет 3 июня. Еще в распадах, где сосредоточился строительный лес, лежали двухметровые сугробы. Им надо было до новой зимы войти в жилье. То есть, на все отпускалось каких-то четыре, максимум пять месяцев. Они не стали откапывать деревья. Валили по поверхности, оставляя, таким образом, двухметровые пни. Зато к зиме жили в домах.

* * *

На камузных лыжах идем по склону горы - отрога Большого Каныма. Власов впереди, я чуть поодаль. Утро безветренное, солнечное, горы

просматриваются на большое расстояние. Лыжи поскрипывают по тонкому насту.

- Вон, гляди, северные олени идут по «Черному Ворону»

- Северные? Как они сюда попали?

- Их у нас, слава Богу, хватает.

Вот отчетливо видны свежие заячьи следы, тут же след рыси. Вот, кровавое пятно с черными перьями вокруг - свидетельство разыгравшейся ночью трагедии.

- Это россомаха косачом поужинала, - сказал Власов, и объяснил: косачи на ночь в снег зарываются, спят так, вот рыси и россомахи имеют себе закуску. Слушай, ничего у нас с тобой не получится.

- Почему?

- Глянь над Двумя Братьями туча черная. Она к нам буран несет. Надо торопиться в поселок. Чтоб не пришлось, как косачам в снегу ночевать.

И он заторопился. Возражать не приходилось. Власов лучше знает, что почем в этих краях. Спустя полчаса вошли в поселок и принесли на плечах буран. Завыло, задуло, засвистело, затянуло все сумраком. Подумалось, старших надо уважать! Насколько мы вымотались, сможет понять тот, кто ходил по горам на камузных лыжах. Лежим на кроватях, шевельнуться лень.

- Сейчас вылечимся - сказал Власов и потянулся за куском бересты. Поднялся, сунул ее в печку, где уже лежали дрова, поджег и тут же поставил на плиту прокопченный чайник. Нырнул под кровать, вытащил какой-то, похожий на бороду, корень, сел за стол и стал охотничьим ножом крошить.

Чайник закипел в считанные минуты. Власов взял две алюминиевые кружки насыпал в них крошево и залил водой.

- Минут через пять можно пить.

Пойло терпкое, но не горькое. Однако, едва ли не сразу, я почувствовал такой прилив сил, будто никуда и не ходил.

- Это маралий корень! - с гордостью сказал он.

- Почему маралий?

- Шорцы так называли. Они заметили, когда марал уходит от погони, он копытом выбивает этот корень из земли и ест на ходу. После его догнать невозможно. Сами стали выкапывать и убедились, что марал прав.

Дверь скрипнула, на пороге появился молодой мужчина, весь в снегу.

- Оскольдыч, тебе ничо не надо?

- Я что, Вить?

- Ну, у тя гость, может медвежатины, может тайменя, там, хариуса?

- Мясо есть, а рыбы вяленой не мешало бы.

Эт я счас, эт момент, Оскольдыч.

Он нырнул в дверь, через несколько минут появился снова с большим тайменым хвостом и с медвежьим окороком. И тут же испарился. Власов пытался его усадить за стол - ничего не вышло.

- Тракторист наш Витя Макаров. Охотник заядлый. Никогда не ходит в горы ни с собакой, ни с напарником. Услышал, что герой Джека Лондона тащил на себе оленя двадцать миль, убил северного оленя за Черным Вороном и тридцать верст пер на горбу в партию. Чтобы доказать, что и он не хуже. Всю партию мясом кормит. То медведя, то лося завалит...

Я все аккуратно записывал в блокнот. Надо же чем-то кормить прожорливую газету.

- Пиши, пиши, я тебе столько наговорю, что устанешь слушать. Володьку Мазаева знаешь?

Как не знать председателя кемеровской областной писательской организации.

- Так вот он на моих рассказах две книги написал. И ты пиши. Вот слушай.

И он стал мне рассказывать. Я рот раскрыл от изумления. Такой он был мастер устного рассказа. То и дело сыпал образами, характерами, поданными по-писательски, сжато и ярко. Если говорил о завхозе, идущем в окружении жаждущих, то «шагал, как конь в окружении мух

и комаров». А когда закончил, спросил:

- Ну, можно сделать на этом рассказ?

Я ответил не сразу, боясь ненароком обидеть этого милого и удивительно доброго человека.

- Нет, не буду писать.

- Почему? - удивился он.

- Понимаешь, Володя, это не мои герои. Конечно, они мне интересны, но это ты обязан писать. Хватит уже кормить писателей своими темами! Бери бумагу, перо и - давай.

Смотрю, глаза у него расширились, глядит на меня растерянно и молчит. Потом:

- Ты это серьезно?

- Вполне.

- Но я же никогда не писал!

- На бумаге да, а устно, наверное, всю жизнь. Вот то, что ты мне сейчас рассказал, возьми и положи на бумагу. Пришли мне - опубликую.

Ничего он не стал писать, хотя и пообещал. Мы долго с ним говорили о людях этой партии. Я узнал, что его несколько раз хотели зарезать. Не по злобе, а по пьянке, что, должно быть, в корне меняет ситуацию. В него стреляли, и жив он только потому, что одна женщины ударила снизу по стволу ружья. И все с пьяных глаз. Дело-то в том, что начальник такой глухотоманной партии в то же самое время и начальник милиции, и следователь, и председатель поселкового комитета и многое другое. Все в одном лице. Тяжкая доля.

- Как же ты, Володя, живешь среди таких людей?

Он опустил грустные глаза, повременил с ответом.

- Они ведь такие же человеки, как мы. Общество их сделало такими. Что же теперь от них брезгливо отворачиваться?

И больше - ни слова на эту тему. Он все время что-то рассказывал, и я узнавал очень много нового, не только из его уст. Мы сидели за столом. Вдруг из подполья, в ту самую дырку в углу вылезло чадо тигровой кошки с мышонком в зубах. Чаду было не больше месяца. Но

рычал он, будто настоящий охотник и этот рык смешил больше всего. Котенку было не до смеха. Он впервые в жизни вышел на охоту, и - вот она - добыча, полюбуйтесь!

Я жил у него четыре дня. Пора и честь знать. Завтра утром, если горы позволят, полечу в город, делать свою газету. Вечером он достал новенькую магнитола, подаренную ему геологическим управлением, поставил на стол, установил круглую бобину, и сказал:

- Завтра ты уедешь, я опять останусь один. Тоскливо одному. Начитай мне стихов побольше. Вечерами буду включать и слушать тебя.

Так я узнал сколько времени могу читать по памяти стихи. Получилось четыре часа. Я читал ему Блока и Пастернака, Есенина и Корнилова, загубленного в двадцать шесть Павла Васильева и нежно мною любимого Гитовича, Мелехина и Чекмарева, Лорку и сонеты Шекспира, Межерова и Корнилова, Евтушенко и Вознесенского. Все это время он слушал, не шелохнувшись, лицо его было серьезно.

Утром над горами не было ни туч, ни густых облаков. Перед посадкой в вертолет, мы обнялись.

* * *

Однажды он появился в редакции. Сказал: «Слушай, напиши вот это!» И стал рассказывать занятную историю из жизни партии. Я дослушал, привел его в свободный кабинет и сказал:

- Вот бумага, вот ручка. Закрою тебя на замок и пока не напишешь, не выпущу.

- Ладно, только не закрывай, я ведь живой человек.

Он добросовестно отсидел в кабинете свои часы. Вышел и сказал:

- Нет, не могу. Ты не сердись, через две недели привезу тебе рассказ.

Слово сдержал. Я прочитал, внес совсем незначительную правку и опубликовал первый рассказ будущего автора нескольких книг, члена Союза писателей СССР. Он буквально прибежал с газетой в руках:

- Фадеич, ей Богу, глазам не верю.

С той поры он никогда не прилетал из своей Тмутаракани без новой работы. Летом не писал. К нему летом прилетали жена и дети. Не до писательства. Два года спустя Володя положил мне на стол свою

первую книжку. На титульном листе он написал: «Михаилу Берковичу, предсказавшему рождение этой книжки, когда автор еще и не думал братья за перо».

* * *

Памяти Владимира Власова

Бился ветер о скалы с разбега,
И – ни вешки вокруг, ни столба.
Под навалом лежалого снега
Просыпалась для жизни изба.
Если ночка длинна – день не долог.
Солнца малость досталось делам.
Поднимись до рассвета, геолог,
И ступай по горам, по долам.
Разломи не буханку – галету,
Козьей ножки скрути бигуди,
В благодарность короткому лету
Жилу кварца в распадке найди.
Над собранием речек и стариц
Брызнет солнце, коль тучи слабы,
Зимний снег над избою растает
Вновь появятся вешки, столбы.
Ты за что-то любил эти горы,
Междугорья, их глины, пески.
Хоть от них – ничего, кроме горя
Да твоей одинокой тоски.

3.10.2002

* * *

А время шло, как ему и полагается, своим чередом. Докатилось до чехословацких событий. Нашу многотиражку вскоре закрыли. На том основании, что она не была органом партийного комитета, а всего лишь - профкома. Истиной причины закрытия, никто не объявлял, но ходили слухи, что в Чехословакии бучу подняли беспартийные газеты. Брежнев, испугался, и – от греха подальше - прикрыл все такие газеты по всей стране. Меня взяли со всем штатом в городскую газету. Кто стал корреспондентом, кто заместителем секретаря, я - заведующий отделом промышленности. Но я успел опубликовать несколько рассказов Владимира Власова в своей многотиражке, да еще и в

городской газете.

Володя очень переживал ликвидацию многотиражки. Я его успокаивал, мол, мы все равно останемся друзьями. Не было ни одного его прилета из тайги, чтобы он не отыскивал меня. Не важно где - дома, или на работе. Важно, что ни одного рассказа он не отправил в печать без предварительного моего прочтения. Он уже был членом Союза писателей, когда мы в отделе промышленности вычитывали рукопись повести «Кара тайга». Купили шесть бутылок пива, полкилограмма колбасы, булку хлеба. Попивали, закусывали и читали, читали, читали. Повесть вышла отдельной книгой. Как и первая книжка, она не задержалась на прилавках. Издательство давало понять, что рукописям Володи будет открыт зеленый свет. Он издал несколько книг еще. Но большим писателем не стал.

Разбираться в причинах - дело совершенно безнадежное. У него совсем еще не старой умерла жена. Это был тяжелейший удар. Детей взять в тайгу он не мог. Оставить работу - тоже. За детьми присматривала тетя, сестра матери. Он метался между тайгой и городом, было не до писания. Почувствовал неладное с сердцем. Операцию сделали, когда он уже вышел на пенсию.

Спустя какое-то время мой Аскольдович уехал в Махачкалу, пригласила овдовевшая сокурсница. И он поехал. К ней. А что оставалось делать? Дочь вышла замуж, сын окончил институт и уехал на Дальний Восток. Жить одному невыносимо. Уехал, женился, как оказалось соединил, не соединяемое. Писал мне часто. Однажды даже прислал посылку с вяленой воблой. Рассказывал о Каспии, об интересной рыбалке, о попытках писать новые рассказы, но мало, что из этого вышло. Тем не менее, живя в Дагестане, он издал в Кемерове книгу рассказов. Плохо отзывался о Расуле Гамзатове. Между строк проглядывалась беда, но он держал себя в руках и едва ли не каждое письмо заканчивал традиционно, «Ничего, прорвемся».

Недели три не было писем. Наконец, пришло. Адрес его, а рука чужая. Новая жена сообщила, что у меня не стало друга. Храню его книги, фотокарточки, часто обращаюсь к нему мысленно, посвятил ему несколько стихотворений. Значит, он живет. И когда я думаю о нем, мучит мысль, почему у него была такая кошмарная жизнь? Ведь кроме всяких мытарств, кроме подлости коллег, игравших на его пребывании в тылу, кроме всего того, что перепадает любому рядовому жителю планеты Земля, он еще, будучи семейным человеком, должен был полжизни провести в отрыве от жены и детей. Как он страдал от этого, может быть, знала его Зина и никто более. Стонать и жаловаться не умел. За что же это ему? Но я просто не могу его представить в отрыве

от той среды, в которой ему довелось жить едва ли не два десятка лет, то есть в отрыве от разведочной геологии. Даже там, на Большом Канyme.